

§6 НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Бахарев Д. В.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ТРУДАХ Е. Н. ТАРНОВСКОГО (К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КРУПНЕЙШЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ)

Аннотация. Научные заслуги Евгения Никитича Тарновского (1859–1936) — выдающегося российского специалиста в области уголовной статистики были по достоинству оценены не только потомками ученого, но и его современниками. В их работах были актуализированы достижения Е. Н. Тарновского в области изучения динамики и структуры показателей преступности в дореволюционной России, социально-экономических и демографических факторов преступности, а также систематизации данных о личности преступника. Тем не менее, целый ряд работ ученого, посвященных анализу закономерностей формирования территориальных различий преступности, практически не известен современному читателю. В настоящем исследовании предпринята попытка ликвидации этого пробела. Избранные труды Е. Н. Тарновского проанализированы с точки зрения исторического анализа, кроме того, выделены и перспективные моменты в работах ученого, позволяющие расширить спектр криминологического знания в области изучения закономерностей формирования территориальных различий преступности и механизма детерминации преступности в целом. В работе актуализирован ряд закономерностей, выявленных Е. Н. Тарновским, которые, не потеряли своей актуальности и с точки зрения современных условий изучения процесса формирования территориальных различий преступности. Среди них, например: а) тезис о том, что резкое изменение динамики уровня преступности происходит за счет, как правило, роста или понижения уровня краж, тогда как уровень остальных видов преступлений подвергается изменениям незначительно; б) обоснованный вывод о сложной и неоднозначной связи характера миграционных процессов с происходящими изменениями в динамике и структуре преступности;

в) заключение о том, что изучение одних лишь экономических условий хозяйствования и характера занятий населения определенной территории (т.е., ее социально-экономического профиля) не дают полной возможности спрогнозировать будущий характер развития преступности в данной местности; 2) справедливое замечание о том, что между стадиями развития экономической жизни государства и изменениями уровня преступности есть определенная взаимосвязь; так, наибольшая степень криминогенности общества, по мнению Е. Н. Тарновского, отмечается в периоды интенсивного индустриального развития экономики страны; 3) весьма ценный вывод о том, что серьезное влияние на характер изменения преступности в той или иной стране оказывают и национальная структура ее населения, и степень сохранности и устойчивости у этого населения морально-этических, религиозных, корпоративных (как, например, в случае, с Японией) и иных социальных норм, в значительной степени ослабляющих действие тех негативных последствий, которые характерны для периодов смены вектора и интенсивности развития социально-экономических процессов; вследствие чего остается в пределах контролируемого и криминогенный потенциал общества.

Ключевые слова: Евгений Никитич Тарновский, уголовная статистика, показатели преступности, территориальные различия преступности, Англия, Франция, Япония, Россия, миграционные процессы, население.

Научные заслуги Евгения Никитича Тарновского (1859–1936) — выдающегося российского специалиста в области уголовной статистики были по достоинству оценены не только потомками ученого, но и его современниками. В их работах были актуализированы достижения Е. Н. Тарновского в области изучения динамики и структуры показателей преступности в дореволюционной России¹, социально-экономических и демографических факторов преступности², а также систематизации данных о личности преступника³. Тем не менее, целый ряд работ ученого, посвященных анализу закономерностей формирования территориальных различий преступности, практически не известен современному читателю. В настоящем исследо-

вании предпринята попытка ликвидации этого пробела.

Как известно, в связи с недостаточным уровнем организации криминальной статистики в дореволюционной России, а также статистического учета в целом, Е. Н. Тарновский довольно часто использовал в своих исследованиях в качестве эмпирической базы статистическую информацию о других европейских государствах, в которых постановка статистического дела стояла на более высокой ступени. Так, например, поводом к подробному изучению данных криминальной статистики Англии и Уэльса, по словам автора, послужило то обстоятельство, что «в то время, как в большинстве континентальных европейских государств (Франции, Германии, отчасти Австрии и России) преступность увеличивается или, по крайней мере, не уменьшается в общей своей массе, в Англии, начиная с 1881 года, число обвиняемых (и преступлений) постепенно падает не только по отношению к растущему населению, но даже и абсолютно». Исследование этого, по словам ученого «замечательного явления и указание, хотя в общих чертах, производящих его причин имеет, конечно, значительный интерес для выяснения вопроса о мерах борьбы с преступлением

¹ См., напр.: Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. — М., 1960. С.91–98, 113–118 и др.

² Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи эволюцией общества. В кн.: Гернет М. Н. Избранные произведения. — М., 1974. С.267–268, 275–276 и др.; Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. — М., 1980. С.149–151.

³ Иванов Л. О., Ильина А. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. — М., 1991. С.105.

и возможности успешного противодействия развитию преступности»¹.

По данным автора, наибольшим образом изменения в уровне и динамике преступности были обусловлены значительным уменьшением числа обвиняемых в совершении краж — и в абсолютном размере, и относительно изменения численности населения эта цифра сократилась более чем в два раза; уровень же большинства остальных видов преступлений остался приблизительно прежним². Говоря о непосредственных причинах такого снижения главного вида имущественных преступлений как кражи, Тарновский отмечал, что это слишком сложный вопрос для решения в рамках одной заметки, и поэтому дает лишь возможные «наметки» возможных в данном случае объяснений.

Прежде всего автор обдумал вопрос «о влиянии эмиграции на уменьшение преступности в остающемся дома населении», хотя и констатировав, что «точных данных по этому вопросу вообще не имеется». «А priori, — писал он, — представляется допустимым предположение, что эмиграционный поток увлекает в своем течении относительно большую долю скомпрометированного в судебном отношении люда, надеющегося лучше устроить свое положение за морем, чем на родине... Однако статистически доказать это предположение, по крайней мере в настоящее время, мы не можем». Не вполне удовлетворительное объяснение причин падения преступности в Англии, продолжает автор, «дала бы нам и общая ссылка на экономические и вообще культурные успехи, несомненно достигнутые этой страной за последние 30–40 лет, как то: рост промышленности и торговли, повышение заработной платы, улучшение и увеличение питания рабочих классов, возрастание народного богатства вообще и наряду с ним

распространение и развитие умственной культуры... Бесспорно, что рост благосостояния, коснувшийся и низших классов населения, имеет серьезное значение как одна из причин уменьшения преступности: но... влияние этого одного фактора, взятого в отдельности, может быть парализовано действием других причин, благоприятных для развития преступности... Современная цивилизация, повышая в общем материальное благосостояние народов, имеет однако и свои теневые стороны, невыгодно отражающиеся на общественной нравственности»³.

Упоминает Е. Н. Тарновский и об известной дихотомии, в виде «сравнительно слабой преступности земледельческих классов во всей Европе и повышенной преступности крупных городских центров, притягивающих к себе безземельный и бесприютный люд из провинции». Однако в Англии же, — пишет он, — «до 70% населения живет в городах, и только 30% ... составляют сельское население, из которого немного более половины, около 17% всего населения, заняты земледелием», и при такой повышенной степени урбанизированности страны и росте класса пролетариата, т.е. людской массы, «оторванной от земли, орудий производства и неуверенных в завтрашнем дне», преступность все-таки уменьшается. Не при таких ли условиях, — удивляется автор, — и развиваться преступности, «как проявлению неудовлетворительности и обостренности общественных отношений?» Так это и происходит, — пишет он, — в других странах (Германии и Франции), но не так обстоят дела в Англии. «Очевидно, — констатирует он, — что здесь имеются налицо сдерживающие преступность элементы посильнее улучшенного питания и повышенной заработной платы»⁴. И в качестве основного такого «элемента» ученый видит «сознательную активную борьбу с преступлением самого общества при по-

¹ Тарновский Е. Н. Уменьшение преступности в Англии за 1876–1895 годы // Журнал Министерства юстиции. 1897. Т. 8. С.64.

² Там же. С.66.

³ Там же. С.73.

⁴ Там же. С.75.

мощи государства. Эта борьба заключается не в усилении репрессии, не в устрашении наказаниями..., а состоит, главным образом, в разумном и целесообразном применении мер превентивных... Сюда относятся как меры филантропии, попечительства о бедных, а равно различные виды взаимопомощи, чрезвычайно распространенные в Англии, так и меры, направленные непосредственно против преступности, каковыми являются борьба с алкоголизмом, общества патроната, в особенности же система принудительного воспитания порочных, преступных или просто заброшенных детей». Эта система, — считает автор, — нигде не достигла такого развития и таких успехов как в Англии: преступность несовершеннолетних здесь, по его сведениям, за последние 60 лет сократилась более чем в четыре раза. Таким образом, заключает Тарновский, «развитие преступности было подсечено в самом корне, была в значительной мере оздоровлена та почва, на которой росло и развивалось преступление, и совершенно естественным результатом этих мер, благодаря, в то же время, и общему поднятию экономической и умственной культуры края, явилось постепенное уменьшение числа преступлений»¹.

Немного позднее Е. Н. Тарновским была предпринята попытка рассмотрения особенностей преступности Англии путем сравнения ее с показателями преступности в Бельгии. Говоря об исходных предпосылках осуществления подобного исследования в территориальном, а точнее межстрановом аспекте, он писал: «Англия и Бельгия, несмотря на различие расы, языка и политического значения, в экономическом отношении представляют известные черты сходства: обе страны отличаются наивысшим в Европе развитием обрабатывающей промышленности и торговли; и в Англии, и в Бельгии большая часть (до 2/3) населения живет в городах и занята городскими промыслами, земледелие же

составляет второстепенную отрасль промышленности, и им занимается лишь незначительная часть населения (от 15 до 20%). При этих чертах сходства в экономическом строе жизни интересно сопоставить данные о преступности в обеих названных странах»².

Первоначально автором было проанализировано географическое распределение преступности по отдельным территориям Англии и Уэльса в период 1894–1898 гг. Наибольший ее уровень был отмечен в Лондоне, а также промышленных и «рудоконных» областях (Ланкашир и Нортумберленд). Наименьшей преступностью отличались земледельческие, не имеющие значительных городских или промышленных центров, графства, а также некоторые земледельческие округа внутренней Англии. В этом отношении Англия, как отмечает автор, не представляет исключения в ряду других европейских государств: везде земледельческие округа имеют слабую, а городские и промышленные центры — повышенную преступность. Надо только удивляться, — писал он, — «что Англия, население которой живет большей частью на фабрике, в городе или в шахтах, тем не менее, может похвалиться уменьшением, а не увеличением преступности, как того следовало бы ожидать в стране с развитым чисто капиталистическим строем». Из отдельных городов Англии наибольшей преступностью отличаются приморские порты — Ливерпуль, Кардифф, Саутгемптон и др., стоящие по уровню преступности даже выше Лондона. Однако при этом промышленные (мануфактурные) города — Бирмингем, Шеффилд, Лидс, Бредфорд, Ноттингем и др. — лишь немногим превышают средний уровень для всей страны»³.

К сожалению, подобного анализа преступности Бельгии в региональном разрезе, ученый не осуществил. Констатируя, в целом

¹ Там же. С.76–77.

² Тарновский Е. Н. Преступность в Англии и Бельгии // Журнал Министерства юстиции. 1900. Т. 10. С.114. С.114–123.

³ Там же. С.119–120.

стабильный на протяжении нескольких лет уровень преступности в стране, не превышающий активные темпы роста населения, он обратил внимание на «некоторую связь между числом банкротств и движением преступности, в особенности корыстных преступлений». Эта связь между торгово-промышленными колебаниями и преступностью, — пишет он, — «совершенно понятна в такой стране, как Бельгия, где большинство населения живет от заработка на промышленных предприятиях. Аналогичное явление наблюдается и в Англии, хотя и в меньшей степени, благодаря эмиграции, усиливающейся во время промышленных кризисов». Общий вывод в устах автора звучит следующим образом: «Развитие индустриализма, по миновании известной переходной или критической стадии, перестает действовать разлагающим образом на нравственную жизнь населения, а общее повышение интеллектуального уровня и ряд целесообразных и практических мер со стороны государства и общества, в конце концов, ставят твердый предел дальнейшему развитию преступности»¹.

Изменение динамики преступности во Франции в 1881–1901 гг. Е. Н. Тарновский также решил проследить в территориальном аспекте. «Дело в том, — писал он, — что преступность той или другой более или менее обширной и многолюдной страны (как, напр., Франция, Германия, Россия и т.п.) обыкновенно не представляет собою однородного целого в отдельных частях или районах этой страны и далеко не одинаково движется в пределах этих районов. В одних местностях преступность может возрастать, в других в то же время — уменьшаться, и притом независимо от прироста населения. Это различие в движении преступности отдельных районов может в некоторых случаях иметь весьма существенное значение при определении причин роста или уменьшения числа преступлений в целой стране, так как при этом порайонном

исследовании легче определить значение тех или иных условий (в особенности экономических), чем это возможно при рассмотрении только общих, итоговых цифр по целому государству». Уже один тот факт, — верно подметил ученый, — «что преступность, которая, по обычному взгляду, движется более или менее равномерно во всей стране, оказывается движущейся по совершенно различным направлениям в разных частях страны, должен навести на ту довольно существенную по своим дальнейшим посылкам мысль, что совершенно одинаково действующих на всей территории государства влияний (хотя бы законодательного или экономического характера) не существует; во всяком случае, эти влияния обнаруживаются далеко не одинаково, и о значении каждого отдельного фактора нужно говорить, имея ввиду относительность его действия, ограниченность района его развития»².

Общий уровень преступности по стране (как тяжелой, так и менее тяжелой), — отмечал он, — постепенно снижался, особенно начиная с 1894 г., однако в разрезе отдельных департаментов это уменьшение проявлялось неравномерно. Были департаменты, в которых число тяжких преступлений (относительно численности населения) уменьшилось в три и более раза в 1881–1900 гг. по сравнению с периодом 1830–1880 гг., в других департаментах отношение осталось то же, но увеличения не наблюдалось ни в одном из департаментов. Те из них, где снижение составило два и более раза, находились не в одной области, а в разных частях страны. И наоборот, те департаменты, где уровень преступности остался, в целом на прежнем уровне, оказались сосредоточенными (за исключением одного) на юге Франции³.

² См.: Тарновский Е. Н. Изменения преступности во Франции с 1881 по 1901 год по различным группам департаментов // Журнал Министерства юстиции. 1904. Т. 4. С.3–4.

³ Там же. С.13.

¹ Там же. С.122–123.

Рассматривая отдельно динамику убийств, Тарновский констатировал интересный факт: число обвиняемых в убийстве в 1828–1834 и в 1891–1895 гг. в среднем на 100 тыс. жителей оказался приблизительно одинаковым: 1.27 в первый период и 1.24 — во второй. При этом по отдельным департаментам этот коэффициент подвергся существенным изменениям: «Одинаковое или близкое число обвиняемых сохранилось лишь в немногих департаментах, всего в пяти или шести из 82. В большинстве случаев произошло или сильное уменьшение, или же не менее сильное увеличение. Так что, заключает ученый, сходство среднего коэффициента обвиняемых в убийстве в тридцатых и в девяностых годах XIX столетия является в сущности игрой цифр, случайным совпадением: «На самом деле произошли резкие перемены в количестве убийств, но в сумме они сбалансировали друг друга и дали обманчивую среднюю, близко подходящую по численному выражению к той, которая была 60 лет тому назад, но отличающуюся от нее по своим составным элементам. Лишний пример того, как мало имеют значения средние, вычисленные по целому государству». Наибольшее уменьшение отмечалась преимущественно в малонаселенных и глухих департаментах южной и юго-центральной Франции; особенно выделился крайне бедный и «невежественный» департамент Lozere, где уровень преступлений против жизни уменьшился ровно в 9 раз. Вообще, уменьшение преступлений против жизни произошло, главным образом, в земельной, сельской части Франции, где нет ни городских, ни промышленных центров. Большинство из таких департаментов (35 из 44) территориально расположены на юге и в центре страны. И наоборот, значительная доля регионов, в которых уровень убийств возрос (27 из 37), находились на севере страны. Самое большое увеличение преступлений против жизни наблюдалось в департаментах, прилегающих к Марселю и Тулону — в 6 и 7 раз соответственно. Таким образом, — заклю-

чил Тарновский, — «убийство уменьшилось в глухих, земледельческих районах, а увеличилось в промышленных, городских, с грамотным и даже просвещенным населением». Признавая данный факт «малоутешительным результатом для современной цивилизации», автор, тем не менее, не остановился подробно на его причинах¹.

Отдельно следует остановиться на предпринятой Е. Н. Тарновским попытке провести анализ преступности по департаментам Франции, предварительно разбив их на отдельные типологические группы (в зависимости от «численного перевеса в них того или иного профессионального класса»). В результате он получил следующие группы: 1) департамент Сены (Париж); 2) промышленные департаменты; 3) земледельческие; 4) южные городские и 5) остальные департаменты или смешанные, в которых все-таки наблюдался перевес земледельцев, однако значительно меньший, чем в третьей группе. Анализ динамики общего уровня преступности по всем указанным категориям департаментов показал, что «наиболее сильное уменьшение обнаруженной судом преступности приходится на Париж (сокращение относительного числа обвиняемых почти на целую треть), затем следуют южные городские и земледельческие департаменты. В промышленном районе преступность за 20 лет повысилась, в земледельческо-промышленной области (смешанной) осталась почти без перемены»².

Изучая динамику уровня краж в региональном разрезе, Тарновский констатировал его снижение во всех группах регионов (за исключением 8 южных департаментов). При этом, по мере «движения» от Парижа к земледельческим департаментам, т. е. по мере увеличения в доле населения представителей этого класса, уровень краж, наоборот, уменьшался³.

¹ Там же. С.13–16.

² Там же. С.20–21.

³ Там же. С.22.

По результатам столь обширного и детального исследования, ученым были следующие выводы:

1) преступность во Франции (как и во многих других странах) не двигалась однообразно, но одному и тому же направлению во всех частях страны. Напротив, отмечалось разнообразие трендов изменения показателей преступности в целом и по отдельным ее видам. Одни и те же формы преступности в одном районе или в отдельных департаментах увеличиваются, в других уменьшаются. При этом оказалось, что и разделение французских департаментов по занятиям или быту населения не дало ключа к выяснению причин движения преступности;

2) не было замечено особой противоположности в движении преступности по естественным районам: в промышленном районе преступность движется так же, как и в земледельческом. Нет противоположности в направлении движения, как следовало бы ожидать в виду различия в характере и быте населения: «кражи уменьшаются в промышленном и в земледельческом районе, телесные повреждения увеличиваются здесь и там». Таким образом, «экономические условия и характер занятий населения не имеют еще преобладающего значения в вопросе о росте или уменьшении преступности»¹.

Рассматривая данные японской уголовной и социально-экономической статистики за период с 1895 по 1903 гг., в качестве наиболее характерной особенности японской преступности Е. Н. Тарновский отметил фактическое отсутствие ее роста, «несмотря на необыкновенный подъем промышленного развития наряду с коренным изменением всех форм и устоев народной жизни». При этом территориальные различия показателей преступности, по данным автора, достигали трехкратной разницы в ее уровне при относительно незначительной (в сравнении с большинством европейских государств) величине данного показателя

в целом: наибольшее число осужденных на 10 тыс. населения наблюдалось на о.Иезо (в наст. время — Хоккайдо. — Д.Б.) (48 осужденных) и на Западном Ниппоне или Хондо (26), наименьшее — на Северном Хондо (17) и на Формозе (16)². Автор не мог скрыть своего удивления подобным обстоятельством, поскольку именно в почти целиком охваченной бурным ростом капиталистических форм промышленности Японии, т.е. в стране, где заметный подъем уровня преступности был бы наиболее понятен и объясним («ввиду радикальной ломки народного быта и быстрого вздорожания всех вообще продуктов потребления народной массы»), такие последствия не наблюдались. «Принимая во внимание, — справедливо отмечал ученый, — известную точность и исполнительность японцев во всякого рода занятиях, трудно допустить, чтобы в данном случае играла заметную роль заведомая неверность статистических данных о числе проступков. Более вероятным, — по мнению Тарновского, — представляется «действие психологических причин, сдерживающих развитие антисоциальных инстинктов и влечений в японском народе, несмотря на его, в общем, тяжелое экономическое положение. Эти психологические причины можно искать, прежде всего, именно в необыкновенном напряжении энергии и деятельности японцев, напряжении, вызванном равным образом сознанием необходимости конкуренции с европейскими державами в экономическом отношении так же, как и в политическом. Это обострение конкуренции вытекает и опирается не столько на индивидуальные расчеты и соображения, сколько на повышенное национальное чувство, объединяющее в настоящее время все классы японского общества»³.

При оценке такого феномена как преступность определенного народа, т.е. явления, как

² Тарновский Е. Н. Данные экономической и уголовной статистики Японии // Журнал Министерства юстиции. 1906. Т. 9. С.42.

³ Там же. С.51–52.

¹ Там же. С.32–33.

пишет автор, «вытекающего из совокупности всех условий как его настоящего положения, так и отношений, созданных предыдущей его историей, недостаточно останавливаться только на данных материального характера, на экономической статистике, напр., и на их основании делать те или иные заключения о ходе и причинах преступности. Как ни важно в данном случае изучение экономической стороны жизни, но необходимо принимать в соображение, в некоторых, по крайней мере, случаях, и особенности народной психики, если они достаточно отчетливо и прочно успели выработаться в течение исторической жизни народа»¹. К подобного рода главной особенности японского национального характера Тарновский относит «преобладающую привязанность к родине», имеющую «неистребимый характер национального инстинкта». «В такой по крайней мере форме это чувство доступно народной массе, и его именно влиянию можно, хотя и гипотетически, но с большою уверенностью в соответствии предположения с действительностью, приписать и слабое развитие японской преступности несмотря на наличность благоприятных для того условий. Способность подавлять в себе антисоциальные, запрещаемые правилами общежития инстинкты, воздерживаться от поступков, осуждаемых законом и общественным мнением, развита в японской массе в большей мере, чем в европейских странах»². Ведущую роль в формировании определенного морального уровня в любом обществе автор отводит преемственности между поколениями в части постоянно видоизменяющихся, но не разрывающихся окончательно нравственных, религиозных и т.д. норм, — именно таков, по логике ученого «обычный порядок нормального развития народов». Там же, где преемственная связь между поколениями разрывается, «где отцы и дети не только чужды, но и прямо враждебны друг другу в силу непримиримых

¹ Там же. С.53.

² Там же. С.53.

противоречий их взглядов и убеждений, — там не может быть нормального, здорового развития народной нравственности». При этом выработка искусственным путем подобной связи поколений, их преемственности в части моральных устоев и идеалов — дело, считает Тарновский, трудное или даже невозможное: «Воспитание народа не может быть делом отдельной группы лиц или даже отдельного класса, оно создается общей совокупностью той нравственной атмосферы, в которой живет народ и которая не может быть создана сразу, путем тех или иных законодательных актов»³.

Вполне естественно, что, заинтересовавшись проблемой причин территориальных различий преступности в странах Европы, Е. Н. Тарновский никак не мог оставить без рассмотрения этот вопрос и по отношению к России, посвятив его изучению целый цикл своих статей. В стране, где, по словам автора, только на пространстве «от Белого и Балтийского до Черного и Каспийского морей размещено столько разнородного и разноплеменного населения, живущего в несходных условиях материального и нравственного обихода, что при изучении преступности населения необходимо обращать особое внимание на различие в числе и распределении преступлений в отдельных районах великой русской равнины»⁴.

Первое подобного рода исследование было осуществлено автором еще в пору научной юности, в 1885 г.⁵. В нем он подверг анализу доступные на тот момент данные уголовной статистики не по всей стране, а лишь по 33 губерниям, исключая данные по северным губерниям, Кавказу и Западному краю. Об-

³ Там же. С.54.

⁴ Тарновский Е. Н. Движение главнейших видов преступности в двенадцати естественных районах европейской России // Журнал Министерства юстиции. 1902. Т. 4. С.43. С.43–81.

⁵ Тарновский Е. Н. Данные русской уголовной статистики // Юридический вестник. 1885. Т. 1. С.84–93.

щий уровень преступности за период 1875–1878 гг. составил 530 осужденных на 100 тыс. населения. Ученым было выделено два центра «распространения преступности» — московский и одесский судебные округа: в первом уровень преступности составил 837 осужденных на 100 тыс. населения, во втором — 861. Вокруг данных округов концентрируются соседние территории также с повышенным уровнем преступности. Между этими «очагами» преступной активности населения Е. Н. Тарновский констатировал наличие сравнительно «нравственной» области, состоящей преимущественно из местностей черноземных, по преимуществу земледельческого характера, со слабым развитием торговли, промышленности и городской жизни». Соответственно, — писал автор, — «мы видим, что местности, отличающаяся большим развитием городской жизни и промышленности — центры притяжения рабочих сил, ищущих приложения своего труда и зачастую не находящих его, развивают склонность к преступлениям в значительной степени»¹.

При этом, — как замечал исследователь, — не следует смотреть на дело односторонне; в городах развивается не одна преступность: «в общей сумме действий общества и отдельных индивидуумов в развитых центрах общественной жизни, несомненно, существуют и такие, влияние которых на окружающих благотворно». Однако нравственная статистика видит лишь одну сторону медали — большее количество преступлений в городе, чем в деревне; «она не обращает внимания на большее количество альтруистических действий городского населения, уравнивающего развитие незаконных поступков». С учетом этого, — продолжал Тарновский, — «нельзя утешаться мыслью об этической эволюции наших промышленных округов. Если это еще допустимо относительно Московского или Одесского судебного суда, то вряд ли такое предположение будет уместно относительно,

напр., района Владимирского окружного суда; в нем нет обширных центров просвещения, каковыми являются большие города, вроде Москвы или Одессы, а есть только сильное развитие промышленности, которая одна ни в каком случае, конечно, не обуславливает развитие нравственности, что и доказывается высоким уровнем преступности во Владимирской губернии (780 осужденных на 1,000,000 ж.)». Не играет особой роли в данном случае, как полагал автор, и миграционный прирост населения: «Этот высокий уровень преступности нельзя отнести и на прилив рабочих людей от 21–30-ти-летнего возраста, наиболее склонного к преступлениям. Владимирская губерния сама отсылает рабочих, а не принимает их. Поэтому развитие преступности во Владимирской губернии относительно даже выше, чем это выражает выведенная нами цифра: во все другие местности, отличающиеся высоким уровнем преступности (Москва, Одесса и пр.), приливает масса рабочего люда, одним своим приходом поднимающего уровень преступности данной местности, при прочих одинаковых условиях»². Равно и один из главных критериев «нравственности» — уровень образования, по данным ученого, не оказывает влияния на уменьшение преступности, тогда как род занятий или «класс населения» находится в тесной связи с показателями преступности. Преступность крестьян — класса, составляющего на тот момент до $\frac{3}{4}$ населения, была ниже среднего уровня — лишь 400 осужденных на 100 тыс. населения. «Ниже по стремлению к преступлению стоит лишь духовенство — 359 осужденных соответственно. Итак, — констатировал Тарновский, — «крестьяне», судя по данным уголовной статистики, наиболее нравственный слой общества, по крайней мере, наименее склонный к нарушению уголовного наказания. Земледельческий труд, в связи с общинной жизнью нашего народа, несомненно, обуславливает эту слабую пре-

¹ Там же. С.85–86.

² Там же. С.87–88.

ступность сельского населения. Сельский труд, — вполне традиционно для своего времени объяснял данный факт автор, — удаляя человека от частых столкновений с интересами других людей, кроме наиболее близких ему..., способствует уменьшению преступлений занятого им класса»¹.

В дальнейшем, при рассмотрении показателей уголовной статистики Российской Империи, Тарновским была расширена не только статистическая база, но и предпринята попытка применения методов социально-экономического анализа, в частности, группировки российских регионов в зависимости от профиля хозяйственной деятельности населения в них. Исследуемая территория была разделена автором на 10 «естественных» районов — Новороссия, Малороссия (Черниговская, Полтавская и Харьковская губернии), Северо-Западный край, Московский промышленный район, Черноземный район, Петербургский район, Волжско-Камский, Юго-Западный край, Приволжская область и Царство Польское. В наблюдаемый период — 1894–1900 гг. — наибольшее увеличение уровня преступности отмечалось на Юге России — в Новороссии и Малороссии. «К ним примыкают центральная черноземная полоса, промышленный подмосковный район и Северо-Западный край (6 губерний). В этой обширной области, занимающей 27 губерний с разнородным населением, преступность растет значительно быстрее населения, и относительное число возникших дел, в течение 17 лет, увеличилось более чем на 20%»². Таким образом, к 1900 г. формально наиболее высокий уровень преступности наблюдался в Царстве Польском, однако, как заметил автор, первое место, в сущности, принадлежало Северо-Западному краю, где преступность

росла наиболее быстрыми темпами, а в Польше только держалась на одном уровне. Последние места по данному показателю занимали Нижневолжский район и Черноземный центр. Отдельно автор остановился и на динамике уровня отдельных видов преступлений, однако подробного рассмотрения вероятных причин изменения как уровня преступности по отдельным экономическим районам, так и уровня отдельных видов преступлений в них же, автор не осуществил, указав однако, что преследовал в настоящей работе более узкую цель — «представить, по возможности, точные данные о движении преступности»³.

Позднее Е. Н. Тарновский предпринял попытку более детального рассмотрения движения преступности в России (в период с 1884 по 1904 гг.) уже не по крупным экономическим районам (включающим несколько губерний), а по отдельным губерниям. Как указывал автор, некоторые из этих районов, например, Московский (из 6 губерний) или центральный черноземный (7 губерний), «настолько обширны и обладают столь многочисленным населением, что превышают (в особенности по пространству) многие западноевропейские государства, за исключением только первоклассных держав». При такой обширности территории и разнообразии ее населения, — как верно отмечал ученый, — «необходимо обратить большее внимание на возможно мелкие территориальные деления, в которых могут быть существенные отступления от общей средней, выведенной для целого района в 6 или 7 губерний». Тем более, что подобные группировки, продолжал он, не могут не носить некоторый искусственный характер: «так, напр., к Московскому «промышленному» району относятся губернии Смоленская и Калужская, в сущности, совершенно земледельческие и лишь в слабой степени затронутые обрабатывающей промышленностью. Эти различия в характере и образе занятий населения отдельных губерний, сое-

¹ Там же. С.88–91.

² Тарновский Е. Н. Движение главнейших видов преступности в двенадцати естественных районах европейской России // Журнал Министерства юстиции. 1902. Т. 4. С.76.

³ Там же. С.79.

диняемых в одну группу под названием естественного района, делают цифровые выводы по данному району, в особенности, по числам уголовной статистики, в значительной мере отвлеченными, не вполне соответствующими реальным величинам каждой отдельной губернии или местности»¹.

Сравнивая географическое распределение уровня преступности по регионам России с подобной картиной в других европейских государствах (Франции, Германии, Англии), Е. Н. Тарновский отмечал, что тот наибольший уровень преступности, наиболее характерный для промышленных или «рабочих» районов европейских стран, в России наблюдался лишь в Екатеринославской губернии, отличавшейся в тот период значительным развитием добывающей (горнорудной) промышленности и высоким притоком рабочих из других губерний. Однако автором вновь было обращено внимание на то обстоятельство, что далеко не во всех областях отдельных стран Европы с преобладающей промышленной формой хозяйственной деятельности уровень преступности в рассматриваемый период времени увеличивался. Аналогичные тенденции были отмечены им и при анализе преступности в «промышленных» районах России (например, Москвы и Подмосковья), для которых характерен минимальный естественный прирост населения, а также миграция его из других регионов страны (за исключением Москвы), т.е. промышленность здесь, как писал автор, прошла те периоды быстрого, «лихорадочного подъема и развития, который она переживает в Южной России». Вообще, как заключал ученый, «для развития преступности важны сами по себе не формы промышленности, земледельческой, обрабатывающей или добывающей, а важна их смена, переход от одной формы к другой, от одной системы хозяйства к противоположной». Именно эти

¹ Тарновский Е. Н. Движение преступности по окрестным судам европейской России // Журнал Министерства юстиции. 1905. Т. 10. С.1–2. С.1–27.

изменения экономических отношений, — как полагает ученый, — «эти переходы от одной системы организации труда, заработной платы, семейных отношений, жилищных условий и пр. к новой, неизвестной системе всегда сопровождаются глубокими нравственными изменениями и потрясениями. Более слабые натуры, менее приспособляющиеся к новой среде и к новым условиям жизни, при подобных изменениях и переходах, легко выбиваются из колеи и, не успев найти себе подходящего занятия, увеличивают собою армию преступности. Вот почему в районах недавнего и быстрого развития промышленной и городской жизни преступность обыкновенно сильно возрастает, тогда как в очагах старой культуры, успевшей уже отстояться и принять более устойчивые и спокойные формы, число преступлений не увеличивается, а с течением времени начинает даже уменьшаться, как, напр., в промышленной Англии, Саксонии, у нас в подмосковном и варшавском районе»².

Подводя итог, следует отметить, что само количество научных работ, диапазон и объем проанализированного Е. Н. Тарновским статистического материала, а тем более значимость сделанных им выводов по существу проблемы поиска причин преступности посредством изучения ее территориальных различий, позволяют с полным основанием считать этого ученого наиболее выдающимся представителем данного научного направления в рассматриваемый период времени. Так, ряд закономерностей, выявленных ученым, по нашему мнению, не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Среди них, например: а) тезис о том, что резкое изменение динамики уровня преступности происходит за счет, как правило, роста или понижения уровня краж, тогда как уровень остальных видов преступлений подвергается изменениям незначительно; б) обоснованный вывод о сложной и неоднозначной связи характера миграционных

² Там же. С.25–26.

процессов с происходящими изменениями в динамике и структуре преступности; в) заключение о том, что изучение одних лишь экономических условий хозяйствования и характера занятий населения определенной территории (т.е., ее социально-экономического профиля) не дают полной возможности спрогнозировать будущий характер развития преступности в данной местности; г) справедливое замечание о том, что между стадиями развития экономической жизни государства и изменениями уровня преступности есть определенная взаимосвязь; так, наибольшая степень криминогенности общества характерна для периодов интенсивного индустриального развития экономики страны; д) весьма ценный вывод о том, что серьезное влияние на характер изменения преступности в той или иной стране оказывают и национальная структура ее населе-

ния, и степень сохранности и устойчивости у этого населения морально-этических, религиозных, корпоративных (как, например, в случае, с Японией) и иных социальных норм, в значительной степени ослабляющих действие тех негативных последствий, которые характерны для периодов смены вектора и интенсивности развития социально-экономических процессов; вследствие чего остается в пределах контролируемого и криминогенный потенциал общества.

Таким образом, научное наследие Е. Н. Тарновского представляет значительный интерес не только в контексте изучения истории отечественной криминологии, но и в плане дальнейшего расширения горизонта научного знания в сфере познания закономерностей формирования территориальных различий преступности и ее общих причин в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. — М., 1960. 338с.
2. Гернет М. Н. Избранные произведения. — М., 1974. 639с.
3. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. — М., 1980. 204с.
4. Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. — М., 1991. 208с.
5. Тарновский Е. Н. Уменьшение преступности в Англии за 1876–1895 годы // Журнал Министерства юстиции. 1897. Т. 8. С.63–68.
6. Тарновский Е. Н. Преступность в Англии и Бельгии // Журнал Министерства юстиции. 1900. Т. 10. С.114–123.
7. Тарновский Е. Н. Изменения преступности во Франции с 1881 по 1901 год по различным группам департаментов // Журнал Министерства юстиции. 1904. Т. 4. С.1–35.
8. Тарновский Е. Н. Данные экономической и уголовной статистики Японии // Журнал Министерства юстиции. 1906. Т. 9. С.1–56.
9. Тарновский Е. Н. Движение главнейших видов преступности в двенадцати естественных районах европейской России // Журнал Министерства юстиции. 1902. Т. 4. С.43–81.
10. Тарновский Е. Н. Данные русской уголовной статистики // Юридический вестник. 1885. Т. 1. С.84–93.
11. Тарновский Е. Н. Движение преступности по окружным судам европейской России // Журнал Министерства юстиции. 1905. Т. 10. С.1–27.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ostroumov S. S. Prestupnost' i ee prichiny v dorevolutsionnoi Rossii. — M., 1960. 338s.
2. Gernet M. N. Izbrannyye proizvedeniya. — M., 1974. 639s.
3. Ostroumov S. S. Prestupnost' i ee prichiny v dorevolutsionnoi Rossii. — M., 1980. 204s.
4. Ivanov L. O., Il'ina L. V. Puti i sud'by otechestvennoi kriminologii. — M., 1991. 208s.

5. Tarnovskii E. N. Umen'shenie prestupnosti v Anglii za 1876–1895 gody // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1897. T.8. S.63–68.
6. Tarnovskii E. N. Prestupnost' v Anglii i Bel'gii // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1900. T.10. S.114–123.
7. Tarnovskii E. N. Izmeneniya prestupnosti vo Frantsii s 1881 po 1901 god po razlichnym gruppam departamentov // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1904. T.4. S.1–35.
8. Tarnovskii E. N. Dannye ekonomicheskoi i ugovnoi statistiki Yaponii // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1906. T.9. S.1–56.
9. Tarnovskii E. N. Dvizhenie glavneishikh vidov prestupnosti v dvenadtsati estestvennykh raionakh evropeiskoi Rossii // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1902. T.4. S.43–81.
10. Tarnovskii E. N. Dannye russkoi ugovnoi statistiki // Yuridicheskii vestnik. 1885. T.1. S.84–93.
11. Tarnovskii E. N. Dvizhenie prestupnosti po okruzhnym sudam evropeiskoi Rossii // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1905. T.10. S.1–27.